

Гу Цзинмо опустил взгляд и произнес:

— Я согласился жениться на принцессе, только тогда она позволила мне прийти и навестить тебя.

Значит, всё-таки свадьба с принцессой.

На душе у Лян Цзяня вдруг стало пусто. Ему нечего было сказать, он лишь молча смотрел на Гу Цзинмо.

Затаив дыхание.

Гу Цзинмо достал из рукава маленькую шкатулку, открыл её — внутри лежала черная как смоль пилюля.

В его ясных глазах отражались впалые, бледные щеки Лян Цзяня, словно в зеркальной глади озера — бездонной, чистой и безупречной.

— Это яд. Он лишит жизни в одно мгновение, без мучений.

Понятно.

Гу Цзинмо пришел, чтобы увидеть его в последний раз, чтобы помочь ему уйти.

Потому что не хотел, чтобы его водили по улицам на потеху толпе, чтобы народ проклинал его и чтобы он принял позорную смерть на глазах у всех. Поэтому решил — убить его первым.

— Ты... — Лян Цзянь не знал, что сказать.

Неужели рука поднялась? Неужели совесть не грызет?

Горло сдавило, и он не удержался от вопроса:

— Ты так... торопишься отправить меня на тот свет? До казни еще несколько дней. — Он добавил с крохотной долей надежды: — Дай мне этот яд, я сам проглочу его в день казни, чтобы не мучиться.

Гу Цзинмо ответил:

— Я боюсь, что ты не решишься, и будет поздно. Я хочу своими глазами видеть, как ты примешь яд.

Лян Цзянь остолбенел.

Наконец он понял, что именно казалось ему странным.

— Ты ведь действительно хочешь моей смерти, — Лян Цзянь помолчал немного и горько усмехнулся. — Гу Цзинмо, я, кажется, перестал тебя понимать.

Семьдесят очков симпатии — это ложь, что ли?

Как ни крути, всё выглядит так, будто Гу Цзинмо решил прирезать его, чтобы устранить угрозу, а потом улететь в закат с принцессой.

Он... правда любит его? Хоть капля чувств есть?

Гу Цзинмо молчал, но протянул ладонь, на которой лежала смертоносная пилюля.

Его спокойный взгляд говорил Лян Цзяню, что он действительно думает именно так.

Требуется, чтобы Лян Цзянь покончил с собой прямо у него на глазах.

Лян Цзянь взял яд, его пальцы слегка дрожали. Ему пришлось остановиться и сделать глубокий вдох, чтобы унять волнение.

Система, кажется, мне конец, — уныло подумал Лян Цзянь. — Я его совсем не понимаю. При сорока очках симпатии он готов был собой пожертвовать ради меня, а при семидесяти — гонит на тот свет.

Система ответила:

Возможно, в его понимании это лучший исход, чем публичная казнь.

Но я не хочу умирать, и уж тем более проваливать задание! У него так сложно поднять уровень симпатии!

Лян Цзянь с тоской посмотрел на Гу Цзинмо. Глубокий взгляд того заставил его замереть.

Словно океан, в котором погребены невыразимые чувства; бушуют подводные течения, но на поверхности — полный штиль.

Почему? Раз уж он хочет его смерти, отчего в глазах столько нежелания отпускать?

— Цзинмо, — Лян Цзянь облизал потрескавшиеся губы и дрожащим голосом произнес: — Я знаю, что это моя судьба. Когда я умру, забудь обо мне. Живи с принцессой счастливо. Желаю тебе блестящей карьеры и долгой, радостной жизни.

Гу Цзинмо вздрогнул, его зрачки расширились от боли, свет преломлялся в радужке, создавая блики, словно в глазах собралось целое море готовых пролиться слез.

Он тяжело дышал и с надрывом произнес:

— Лян Цзянь, прости.

— Ты не виноват передо мной. Ты виноват перед самим собой.

Гу Цзинмо поднял руку, сжимая одежду на груди, и опустил голову. Слова Лян Цзяня причиняли ему нестерпимую боль, потоки мучений пронзали сердце, всё тело начало мелко дрожать.

Лян Цзянь приподнял уголки губ, приоткрыл рот и проглотил горькую пилюлю.

Кадык дернулся.

— Наша связь оборвалась. Надеюсь, в следующей жизни мы не встретимся, — Лян Цзянь тихо рассмеялся. — Никогда бы не подумал, Гу Цзинмо, что именно ты станешь моим палачом.

— Я еще помню, как в лагере ты говорил, что закон беспристрастен. Ну и ну, какая справедливость. Небо всё видит, я принимаю свою смерть с легким сердцем.

Каждое слово было как удар в самое сердце.

Гу Цзинмо поднял голову, его лицо выражало смесь слез и улыбки, он боролся с собой и глухо прошептал:

— Лян Цзянь...

Лян Цзянь закрыл глаза и затих.

Спустя долгое время.

Взгляд Гу Цзинмо потускнел:

— ...Прощай.

Уровень симпатии цели захвата достиг 80 очков. Пожалуйста, продолжайте в том же духе.

...

Северная окраина города, жилой дом.

— Кха-кха! — юноша на кровати резко открыл глаза, сел и в полном недоумении уставился на поле за окном.

Что происходит?

Почему он до сих пор жив?

Разве после провала задания не нужно возвращаться в главное пространство? Разве он не должен получить наказание, лишиться баллов и отправиться в следующий мир?

Хозяин, вы не умерли. Вы просто впали в состояние мнимой смерти.

Мнимая смерть?

Лян Цзянь опешил, его лицо стало серьезным.

Это всё проклятый яд! Гу Цзинмо вовсе не дал ему яд! Он просто использовал этот способ, чтобы обмануть тюремщиков и тайно вывезти его из тюрьмы!

Он зря его обвинял!

— Черт, почему нельзя было сказать прямо? Я чуть было не разочаровался в жизни!

Там повсюду были тюремщики, он не мог сказать прямо, — мудро пояснила Система.

Лян Цзянь закатил глаза и возмутился:

— Ты же сама ввела меня в заблуждение, чего теперь строишь из себя умную задним числом!

Система:

— ... — Она еще совсем маленькая.

Лян Цзянь вскочил, оделся и выбежал на улицу.

Он должен вернуться к Гу Цзинмо. Он наговорил ему столько жестоких слов, это наверняка ранило его сердце!

Но его остановил хозяин дома, почтительно поклонившись:

— Молодой господин, вы официально мертвы, в город вам нельзя. Господин Гу с большим трудом вывез вас оттуда, он велел вам уезжать как можно дальше от столицы и никогда не возвращаться.

Он указал на карету во дворе:

— Я всё подготовил, пора в путь.

Лян Цзянь замер:

— А как же он? Свадьба с принцессой?

— О помолвке принцессы знает весь мир. Если он откажется, это грозит уничтожением всего рода.

— Я увижу его в последний раз.

Лян Цзянь всё же решил вернуться в город. Сопровождающие не смогли его отговорить, поэтому лишь сделали поддельные документы и переодели его в даосского монаха.

Под сенью императорского престола по-прежнему царила роскошь, плакучие ивы тянулись вдоль берегов, скрывая величественные дворцы и высокие терема.

Прошло несколько дней, до пышной свадьбы принцессы и лучшего выпускника Академии оставалось всего десять дней.

Лян Цзянь сидел в придорожной чайной, размышляя, как незаметно пробраться в поместье Гу, когда до его ушей донесся разговор о свадьбе принцессы.

— Эта болезнь жениха пришла так некстати. Несколько дней назад выезжал за город, вернулся — и простудился, говорят, вот-вот душу Богу отдаст.

— И поговаривают, зараза какая-то, вроде оспы, после того как слег, на службу даже не

выходит.

— И принцесса всё еще собирается за него замуж?

— А зачем ей туда идти? Вдовой при живом муже сидеть?

Лян Цзянь постукивал пальцами по столу, даже чай не лез в горло. Слухи правдивы или нет? Гу Цзинмо действительно заболел или притворяется?

В глубине души он надеялся, что тот симулирует, но ставить на кон всё он не мог.

Нужно увидеть всё своими глазами.

Лян Цзянь был человеком дела: мелькнула мысль — и он тут же воплотил её. Намазал лицо грязью, растрепал волосы, глянул в реку — теперь никто не узнает в нем красивого юношу.

Затем он побежал к слугам поместья Гу, представившись странствующим даосом, который лечит любые болезни.

Слуга презрительно фыркнул:

— Откуда взялся этот шарлатан? Болезнь нашего господина тебе не вылечить! Убирайся вон!

Лян Цзянь мягко улыбнулся:

— Ты даже не дал мне осмотреть его, а уже говоришь, что не вылечу. Похоже, твой господин здоров, а болезнь — лишь прикрытие.

Слуга не ожидал, что даос так ловко его подденет, и, обливаясь холодным потом, поспешил проводить его внутрь:

— Не болтай ерунды! Господин лежит пластом, сам увидишь!

Наконец Лян Цзянь увидел Гу Цзинмо.

Тот лежал в постели, укрытый толстым одеялом, несмотря на разгар лета. Полог опущен, окна заколочены, воздух не циркулировал.

Лян Цзянь тут же покрылся испариной.

Подойдя к кровати и глядя на плотно сомкнутые веки Гу Цзинмо, Лян Цзянь тихо вздохнул:

— Так и здоровый заболевает.

Гу Цзинмо медленно открыл глаза. Его щеки покраснелись, на них виднелись красные пятна — выглядел он в точности как больной заразной болезнью.

Он удивленно спросил:

— Как ты здесь оказался? — Затем добавил сурово: — Уходи немедленно! Если тебя найдут, ты погибнешь!

— Я пришел только взглянуть на тебя и сразу уйду. — Лян Цзянь нежно посмотрел на него и коснулся его щеки. — Что это? Ты правда болен?

Гу Цзинмо закрыл глаза, собираясь открыть правду, но тут снаружи послышался голос слуги:

— Принцесса Чанлэ прибыла!

Ну что за невезение!

Лян Цзянь инстинктивно хотел нырнуть под кровать, но увидел, что там навалено всякого хлама, и растерялся.

Гу Цзинмо, не раздумывая, схватил его за талию и затащил на кровать:

— Вглубь, под одеяло!

Лян Цзянь тут же юркнул под покрывало, Гу Цзинмо повернулся на бок, прикрывая его. Едва они успели это сделать, как дверь отворилась, и вошла принцесса Чанлэ с печальным выражением лица.

— Господин Гу, вам стало лучше? — Она была под вуалью, подойти близко не решалась и присела на стул поодаль.

Лян Цзянь, свернувшись калачиком под одеялом, не смел шелохнуться, прижавшись головой к пояснице Гу Цзинмо.

В душе поднялось нелепое чувство: ситуация до боли напоминала сцену застигнутых врасплох любовников.

Он услышал приглушенный голос Гу Цзинмо:

— Кха-кха... Благодарю принцессу за беспокойство, боюсь, ваш покорный слуга уже не жилец... Кха-кха... Ваше Высочество, не печальтесь, жизнь и смерть в руках Небес, у меня в этой жизни нет сожалений.

Принцесса зарыдала:

— Что же мне теперь делать?

— В Поднебесной... в Поднебесной молодых талантов больше, чем рыб в реке. С вашей красотой и добродетелью, как вы можете не найти того, кого полюбите всем сердцем? Кха-кха...

Гу Цзинмо говорил с перерывами, кашляя так, словно вот-вот испустит дух.

Лян Цзянь был поражен до глубины души.

Его суженый... настолько искусный актер?

Когда принцесса ушла, Лян Цзянь вылез из-под одеяла и с сияющей улыбкой сказал Гу Цзинмо:

— Не ожидал, не ожидал.

Снаружи — сама честность и благородство, а внутри — такой хитрец.

Гу Цзинмо увидел его довольную улыбку, стер пот с его лба, встал с кровати, чтобы открыть окна и проветрить комнату, и обернувшись, пояснил:

— Пятна на лице я нарисовал.

Лян Цзянь потер пальцем красный шрам на его лице — краска действительно стерлась. Он от души расхохотался, катаясь по кровати.

Он никогда еще не видел Гу Цзинмо таким лукавым!

Гу Цзинмо подошел и прижал его к кровати, смущенно и сердито воскликнув:

— Чему ты смеешься? Если бы не ты, стал бы я плести такую ложь?

Лян Цзянь, лежа под ним, поднял лицо и, обхватив его за шею, притянул к себе. Лбами соприкоснувшись, он с улыбкой спросил:

— Ради меня? Супруг мой, ну и сладки же у тебя речи.

Лицо Гу Цзинмо вспыхнуло, его ясные глаза пристально смотрели на Лян Цзяня, губы были плотно сжаты:

— Если будешь и дальше так дразнить меня, я выставлю тебя за дверь.

— Разве сможешь? — Лян Цзянь ни капли не испугался, приподнялся и слегка укусил его за ухо, с удовлетворением услышав, как сбилось дыхание Гу Цзинмо.

Гу Цзинмо отвел взгляд.

Лян Цзянь не унимался:

— Сможешь? Супруг мой, если бы я не вернулся в столицу, если бы уехал навсегда, мы оказались бы на разных концах света и больше никогда не встретились. Ты бы смог это пережить?

Гу Цзинмо снова посмотрел ему в лицо, в его глазах промелькнула редкая застенчивость, и он тихо произнес:

— Я не верил, что ты просто возьмешь и уйдешь.

Я верил, что ты обязательно вернешься за мной. Даже если будущее туманно, даже рискуя

оказаться в тюрьме, ты обязательно вернешься.

Потому что ты — Лян Цзянь.

Лян Цзянь заворуженно смотрел в ясные глаза Гу Цзинмо, в которых отражался только он один.

Такой глубокий и нежный, такой прямолинейный и в то же время сдержанный... Его Гу Цзинмо, ну как он научился говорить такие слова?

— Мой супруг такой милый... Я так тебя люблю, — он тихо вздохнул и, подогнув ноги, потерся о живот Гу Цзинмо. — Я хочу отдать тебе всего себя, ты согласен?

Гу Цзинмо тяжело вздохнул, и этот звук отозвался в ушах Лян Цзяня почти экстазом.

Гу Цзинмо склонился и поцеловал Лян Цзяня в лоб, тихо, но твердо ответив:

— Согласен.

Уровень симпатии цели захвата достиг 90 очков. Пожалуйста, продолжайте в том же духе.

...

Принцесса в итоге расторгла помолвку — в конце концов, она не хотела выходить замуж, чтобы всю жизнь сидеть вдовой, как бы сильно она ни любила.

Но через полмесяца после того, как она расторгла помолвку, болезнь Гу Цзинмо чудесным образом отступила. Только тогда принцесса поняла, что её обвели вокруг пальца.

Но было уже поздно — император уже просватал её за другого.

Конечно, такие уловки Гу Цзинмо не могли обмануть императора. Или, вернее сказать, император молчаливо одобрял этот план, чтобы принцесса сама отказалась от брака.

Но всё же это было слишком сильным ударом по престижу императорской семьи.

Поэтому на третий день после возвращения в Академию Ханьлинь Гу Цзинмо сам попросил о переводе и принес покаяние императору.

Император махнул рукой и отправил его уездным судьей в дикие южные земли.

Ссылка.

Лян Цзянь, разумеется, последовал за ним. Будь то престижная должность в Академии или скромное место судьи, даже если бы Гу Цзинмо лишили всех званий, он бы его не бросил.

На тракте за пределами столицы Лян Цзянь запрыгнул в карету, наблюдая, как Гу Цзинмо прощается с дядей.

Гу Чжэн не удержался и постучал племянника по голове, искоса глядя на Лян Цзяня, с негодованием произнес:

— Потерять должность из-за бабы! Знай же, что не только красавицы бывают источником бед!

Гу Цзинмо не стал спорить, послушно опустив голову под наставлениями старшего.

Ну и что, что источник бед?

Буду баловать, и всё тут.

...

На пути на юг, на горной дороге неподалеку от уездного города, карету Гу Цзинмо перехватили разбойники.

Десятки бандитов окружили их, каждый с недобрыми намерениями.

Лян Цзянь взглянул на помрачневшее лицо Гу Цзинмо и усмехнулся:

— Опять.

Только в прошлый раз он сам был заодно с разбойниками, а сегодня стал для них «жирным куском». Ирония судьбы!

Настроение Гу Цзинмо было хуже некуда. Рука лежала на рукояти меча, на тыльной стороне ладони вздулись вены. В прошлый раз нападение случилось ночью, они были застигнуты врасплох и потерпели поражение, даже его самого утащили в лагерь.

Здесь всё было еще диче: разбойники осмеливались нападать среди бела дня.

— Дерзкие! Как вы смеете грабить чиновника императорского двора! — возмутился управляющий, сопровождавший Гу Цзинмо.

И тут случилось неловкое: разбойники переглянулись и заговорили на непонятном диалекте.

Наконец они выдвинули вперед главаря, который знал государственный язык и мог общаться:

— И что с того, что чиновник? Император далеко, а Небо высоко! Не отдадите деньги — оставите здесь свои жизни!

Услышав это, Лян Цзянь остолбенел и с изумлением уставился на говорившего.

Он никак не ожидал встретить здесь старого знакомого — Чжэн Даоняня.

Лян Цзянь стоял за спинами людей и лошадей, Чжэн Даонянь его не видел и продолжал угрожать.

Лян Цзянь дернул Гу Цзинмо за рукав:

— Узнаешь его? Мой второй брат, который сбежал.

Гу Цзинмо прищурился, его лицо стало суровым, он холодно произнес:

— Узнал. — В его голосе уже чувствовалась жажда крови.

— Отдадите деньги — отпущу, не отдадите... хм-хм, попрощаетесь с жизнью! — громко угрожал Чжэн Даонянь, но, увидев, как молодой чиновник холодно смотрит на него, невольно вздрогнул.

— В атаку! — Гу Цзинмо решил действовать первым.

В их отряде были охранники, вооруженные мечами, так что в открытом бою они могли и победить.

Разбойники, увидев, что их жертвы дают отпор, растерялись. Они привыкли нападать на слабых, а столкнувшись с силой, тут же бросили оружие и пустились наутек.

В суматохе Чжэн Даонянь узнал Гу Цзинмо и в ярости воскликнул:

— Это ты!

Он ненавидел Гу Цзинмо.

Тот отобрал у него Лян Цзяня, сговорился с властями и пошел войной на их лагерь, лишив его крова.

Не отомстить за это — значит не быть мужчиной!

Чжэн Даонянь отступил в укрытие и натянул тетиву лука.

«На этот раз я не буду никого жалеть».

Наконечник стрелы был нацелен прямо в переносицу Гу Цзинмо.

Сверкнула сталь.

— Осторожно! —

Гу Цзинмо еще не успел понять, что произошло, как Лян Цзянь врезался спиной в его грудь и повалился в его объятия, глухо вскрикнув.

— Лян Цзянь!

Гу Цзинмо и Чжэн Даонянь одновременно выкрикнули его имя.

Глаза Чжэн Даоняня расширились от шока — только сейчас он узнал Лян Цзяня и никак не ожидал, что тот закроет собой другого.

Лян Цзянь посмотрел на вонзившееся в грудь древко стрелы и прерывисто прошептал:

— Не важно... ты будь осторожен!

Гу Цзинмо не был так спокоен. Он в панике смотрел на него, не зная, что делать. Этот взгляд напомнил Лян Цзяню, как тот когда-то обманул его, сказав, что его укусила ядовитая змея.

Только на этот раз в глазах Гу Цзинмо была самая настоящая, неподдельная боль.

— Лян Цзянь, Лян Цзянь, как ты? Не пугай меня. — Он весь дрожал.

Видя, как кровь пропитывает одежду, Гу Цзинмо опустился на колени рядом с ним, полный боли и самобичевания:

— Прости, я не смог тебя защитить... Лян Цзянь, не закрывай глаза, смотри на меня, смотри на меня...

Холодная слеза упала на щеку Лян Цзяня. Вскоре за ней потекла вторая.

Среди криков битвы и суматохи Гу Цзинмо разрыдался.

Казалось, во всем мире остались только его подавленные, полные горя всхлипы.

Не плачь так, мне же больно на это смотреть.

Лян Цзянь изо всех сил старался держать глаза открытыми. Перед ним было чистое лазурное небо. И это небо постепенно превращалось в пару нежных и прекрасных глаз.

— Лян Цзянь, ты не можешь оставить меня...

Уровень симпатии цели захвата достиг 100 очков. Задание выполнено.

...

В Цзянчэне зацвели персики, на длинной дамбе толпы гуляющих, молодые господа на резвых конях в нарядных одеждах, знатные девицы в шумных компаниях.

На высоком тереме заезжий купец потягивал сладкое вино.

— Три года назад Цзянчэн не был таким процветающим. Когда я приехал сюда в тот год, дамба еще не была построена, каждое лето и осень случались наводнения, откуда взяться таким красотам.

— Как называется эта дамба?

— Дамба Гу, в честь фамилии нашего градоначальника. Нельзя недооценивать его, два года назад он был всего лишь уездным судьей, а в прошлом году стал градоначальником.

— Слышал, её еще называют Дамбой влюбленных?

— Всё это лишь домыслы. Наш градоначальник и его супруга живут душа в душу, на зависть всем, поэтому сюда часто приходят молодые пары, чтобы поклясться в вечной любви, вот и называют её Дамбой влюбленных.

— Кхе, но я еще слышал, что у градоначальника нет ни детей, ни наследников. Неужели его супруга не возьмет наложницу...

— Наложницу? Брось, ты, видать, не в курсе: супруга градоначальника — мужчина!

<http://bllate.org/book/21563/2220086>